

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXXV

Коллекции, тексты
и их «биографии»

*Под редакцией
И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой*

МОСКВА
НАУКА — ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА
2014

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
С83

Редакторы издательства
Т.А. Аникеева, О.В. Мажидова

Страны и народы Востока / Ин-т восточных рукописей РАН ; Вост. комиссия РГО. — М. : Наука — Вост. лит. — 1959—.

Вып. XXXV: коллекции, тексты и их «биографии» / под ред. И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. — 2014. — 439 с. — ISBN 978-5-02-036581-0 (в пер.).

В очередной выпуск продолжающегося издания вошли статьи по проблемам изучения истории, этнографии, культуры стран и народов Востока. Рассматривается история создания и исследования коллекций буддийских, индуистских, монгольских рукописей в собраниях Санкт-Петербурга, Улан-Батора, Одессы, публикуются материалы, посвященные народам Африки, Центральной и Восточной Азии, анализируются различные аспекты изучения китайского языка в России.

ISBN 978-5-02-036581-0

© Институт восточных рукописей РАН, 2014
© Редакционно-издательское оформление.
Наука — Восточная литература, 2014

Е.П. Островская

**БУДДИЙСКИЕ РУКОПИСИ
В СОСТАВЕ ИНДИЙСКОГО ФОНДА ИВР РАН:
ИСТОРИЯ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

История коллекционирования буддийских рукописей, хранящихся в Индийском фонде ИВР РАН, рассматривается автором статьи в контексте формирования российской и западноевропейской буддологии как отрасли классического востоковедения. Особое внимание уделяется санскритским письменным памятникам буддизма в составе этой коллекции.

Ключевые слова: буддизм, буддийские рукописи, Индия, Индийский фонд ИВР РАН.

Институт восточных рукописей Российской академии наук (далее — ИВР РАН) является крупнейшим отечественным центром коллекционирования и изучения письменного наследия народов Востока. В обширных собраниях манускриптов и старопечатных изданий, отложившихся в фондах ИВР РАН как правопреемника Азиатского музея Российской Императорской Академии наук, широко представлены письменные памятники буддизма, происходящие из Южной, Юго-Восточной, Центральной Азии и Дальнего Востока. Являясь непреходящей культурной ценностью, эти коллекции одновременно служат богатейшим ресурсом научных знаний об истории буддизма и процессах развития многонациональной буддийской культуры в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Значительный научный интерес вызывает также и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Буддийское историко-документальное наследие Южной и Юго-Восточной Азии в Индийском фонде Института восточных рукописей РАН: состав и история коллекционирования». Проект № 13-01-00167.

история их собирания, тесно связанная с формированием российской и мировой буддологии как отрасли классического востоковедения.

Настоящая статья посвящена буддийской коллекции Индийского фонда ИВР РАН. Небольшая по численности сравнительно с буддийскими коллекциями других фондов, она все еще остается наименее изученной.

Индийское собрание исторически сложилось в качестве структурного подразделения Азиатского музея, созданного в 1818 г. В его составе накапливались манускрипты, происходящие из Южной и Юго-Восточной Азии, а также с островов Малайско-индонезийского архипелага. Их объединение обуславливалось палеографическими критериями коллекционирования — в этих рукописях зафиксировались различные системы письма, собственно индийские и генетически связанные с Индией. На протяжении XIX — первой четверти XX в. в фонде отложились манускрипты, выполненные письменах деванагари, кайтхи, ланда, гурмукхи, кашмирским, невари, ланджа, тибетским, бенгальским, телугу, грантха, тамильским, квадратным пали, бирманским, кхмерским, тайским, яванским, сингальским, лампонг.

Следует подчеркнуть, что уникальные индийские рукописи I тысячелетия н.э. из Восточного Туркестана, поступавшие в Азиатский музей с 1890-х годов от русского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского и отечественных исследователей Центральной Азии², не вошли в состав Индийского фонда. Ввиду своего территориального происхождения они отложились в центральноазиатском собрании Азиатского музея.

Коллекционирование восточных, и в том числе индийских, рукописей началось в Императорской Академии наук задолго до создания Азиатского музея — в 1730-х годах. В то время Западная Европа переживала первую волну интереса к Востоку³. Академия наук, учрежденная в 1725 г. как российский оплот века Просвещения, не осталась в стороне от этой ориентальной увлеченности. В сообществе российских академиков, большая часть которого была в то время представлена зарубежными учеными, вошел немецкий ученый-востоковед Теодор Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738). А в академических учреждениях появились первые восточные раритеты — предметы материальной культуры народов Азии, нумизматические коллекции и манускрипты.

² Об истории открытия буддийских памятников индийской письменности в оазисах Восточного Туркестана см.: *Воробьева-Десятовская М.И.* Великие открытия русских ученых в Центральной Азии. СПб., 2011.

³ Западноевропейская и отечественная культуры пережили две волны увлеченности Востоком. Первая связана с эпохой романтизма, а вторая — с периодом модерна, охватывающим 1880–1920-е годы.

На этом раннем этапе вопрос об организации единого востоковедного древлехранилища еще не возникал. Поступление рукописей осуществлялось лишь благодаря личной инициативе частных владельцев достопримечательностей Востока — путем дарения, пожертвования или завешания. Восточные манускрипты накапливались в Кунсткамере, Академической библиотеке и Конференц-архиве. В роли донаторов выступали вельможи, царские сановники, ученые, а также любители культуры Востока.

Первая индийская рукопись, содержащая текст молитвы «Отче наш» в переводе на мультани и посвящение имп. Анне Иоанновне, была передана Академии наук в дар от правящей династии на рубеже 1730-х годов. Через 100 лет этот манускрипт сыграл значительную роль в деле исследования генезиса одного из языков буддийской культуры — тибетского, и об этом необходимо сказать хотя бы несколько слов. В 1829 г. изучением рукописи занялся Яков Иванович Шмидт (1779–1847), избранный в тот год в состав Академии⁴. До своего прихода в науку он занимался коммерческой деятельностью в Поволжье, тесно общаясь с местными калмыками и проживавшим в их среде тибетским буддийским священством. Благодаря этому Я.И. Шмидт приобрел глубокие познания в монгольском и тибетском языках и заинтересовался буддизмом. В Академии наук ученый приступил к работе над проблемой происхождения тибетской письменности и анализу специфики тибетского языка сравнительно с языками Индии. Рукопись перевода «Отче наш» на диалект мультани западноиндийского языка ленди заинтересовала его как палеографический памятник, способный пролить свет на происхождение тибетского алфавита. Изучая этот текст, написанный письмом ланджа (слитными монограммами и отдельными слоговыми знаками), ученый доказал генетическую связь тибетской письменности с одной из разновидностей северного индийского письма брахми⁵. Ряд его трудов был посвящен буддизму⁶ и культуре буддийских народов России — калмыков и бурят.

⁴ Я.И. Шмидт происходил из Голландии; в 1829 г. он был избран адъюнктом Российской Императорской Академии наук, в 1833 — ординарным академиком (т.е. действительным членом АН). Вошел в историю российского востоковедения как основоположник отечественной тибетологии, автор непревзойденных трудов по грамматике тибетского языка, а также тибетско-русского и тибетско-немецкого словарей. Благодаря Я.И. Шмидту собрания Азиатского музея значительно пополнились тибетскими рукописями и ксилографами.

⁵ См.: *Schmidt I.J. Über den Ursprung der tibetischen Schrift // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. VI-e série, sciences politiques, histoire et philologie. T. I. St.-Pbg., 1832. P. 41–54 и 1 табл.* Латинская транслитерация текста, содержащегося в рукописи, приведена на с. 52.

⁶ Наиболее интересна в научном отношении работа Я.И. Шмидта, посвященная догматике буддизма. См.: *Schmidt I.J. Über einige Grundlehren des Buddhismus // Mémoires de*

Возвращаясь к истории коллекционирования восточных рукописей до основания Азиатского музея, отметим, что к концу 1750-х годов встал вопрос о расширении источников новых поступлений. Россия, официально закрепившаяся со времен правления Петра Великого в статусе европейской империи, стремилась к обладанию не менее ценными и обширными коллекциями восточных манускриптов, нежели просвещенные страны Западной Европы — Великобритания и Франция. Но в отличие от них Россия не имела заморских колоний, откуда можно было бы беспрепятственно черпать культурные ценности. Хотя частные дарения и пожертвования восточных рукописей приобрели характер доброй традиции, они все же оставались явно недостаточным ресурсом коллекционирования. В 1759 г. Академия наук установила «класс академических корреспондентов»⁷ — почетное звание, которое присваивалось ученым и путешественникам, проявлявшим инициативу в собирании манускриптов. В XVIII в. один из носителей этого звания — знаток восточных языков И. Иериг⁸ (?–1795) доставил в Академию наук ряд манускриптов, происходящих из Южной Азии, Тибета и Китая. Благодаря развитию международных связей Академия обзавелась также и иностранными корреспондентами, сообщавшими о тех зарубежных коллекциях восточных рукописей, которые можно было приобрести.

Исследователи истории Азиатского музея неоднократно отмечали, что до его создания система описания восточных рукописей, поступавших в академические учреждения, еще не сложилась, да в России тогда и не было специалистов, способных заниматься такой работой. В XVIII в. многие восточные языки и системы письма еще не получили известности даже в Западной Европе, где становление востоковедения началось раньше, чем в России. Необходимость подготовки отечественных ученых-востоковедов не находила должного отклика на государственном уровне вплоть до 1800-х годов.

Тем не менее подобные идеи неоднократно выдвигались. С первым проектом учреждения Восточной академии выступил в 1733 г. германский востоковед Г.Я. Кер (1692–1740), приглашенный в Санкт-Петербург для описания нумизматических коллекций Кунсткамеры. Свою инициативу он мотивировал грядущей «просветительной миссией России в Азии» и важностью изучения восточных источников для познания

l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. VI-e série, sciences politiques, histoire et philologie. T. I. St.-Pbg., 1832. P. 89–120, 221–262.

⁷ Подробнее см.: Труды Архива АН СССР. М.–Л., 1959. Вып. 3. С. 328.

⁸ В Архиве востоковедов ИВР РАН хранится персональный фонд И. Иерига. См.: АВ ИВР РАН. Фонд 21. О деятельности и трудах И. Иерига см.: Кюннер Н.В. Описание Тибета. Владивосток, 1908. Т. II. Вып. 1. С. 87–88.

истории Российского государства⁹. Четверть века спустя, в 1758–1759 гг., аналогичное предложение изложил М.В. Ломоносов в записке по поводу реорганизации Императорской Академии наук. Необходимость развития отечественного фундаментального востоковедения ученый аргументировал непосредственным соседством России с «ориентальными народами»¹⁰.

Однако вплоть до конца XVIII в. никаких практических шагов в данном направлении не предпринималось. Дело ограничивалось лишь обучением переводчиков с живых восточных языков для Коллегии иностранных дел¹¹.

Вместе с тем именно в XVIII в. в отечественной науке наметились контуры зарождения индианистики. В определенной степени этому содействовали российско-индийские отношения, официально установленные в 1695 г.¹². Они имели характер преимущественно торговых связей,

⁹ Подробнее см.: *Шувалов М.П.* Критико-библиографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера // Материалы государственного архива Министерства иностранных дел. М., 1893. Вып. 5. С. 89–110.

¹⁰ Автограф записки хранится в СПбФ АРАН (Ф. 20. Оп. 1. Л. 172). Позднее, в 1764–1765 гг., М.В. Ломоносов, определяя в своем проекте регламента Академии наук должностные обязанности и компетенции академиков, указывал: «Знающий восточные языки академик, во-первых, должен стараться иметь переписку с природными восточных народов учеными по тамошнему состоянию людьми и собирать всякие книги и известия о состоянии тамошних стран, а особливо соседственных народов в рассуждении истории, поелику можно пользоваться тем в описании российских древностей и соседственного политического взаимства, в чем вспоможение давать могут ему историограф и древностей профессор, также и от него получать напротив того изъяснения». См.: *Ломоносов М.В.* Собрание сочинений. М.–Л., 1950–1959. Т. X. С. 150. Документ № 140. Автограф документа не сохранился.

¹¹ Подробнее см.: *Базильяни А.П., Гринкруг И.М.* Три проекта организации изучения восточных языков и Востока в России // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 г.). М., 1984. С. 34–36.

¹² Источники, сообщающие о русско-индийских связях до этого времени, малочисленны. В 1471–1474 гг. в Индии побывал тверской купец Афанасий Никитин. Составленное им описание путешествия — «Хождение за три моря» было впервые исследовано в востоковедном аспекте основоположником отечественной индологической школы И.П. Минаевым (см.: *Минаев И.П.* Страна Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. М., 2009). Установление дипломатических отношений между Россией и Могольской империей было связано с открытием Северного караванного пути, пролежавшего через Астрахань и Персию. Морской путь, открытый для европейцев на рубеже XV–XVI вв. Васко да Гама, контролировался португальцами, стремившимися монополизировать прибыльную торговлю индийскими товарами. На протяжении XVII в. Россия трижды направляла дипломатические миссии в Индию сухопутным маршрутом. Два русских посольства (1646, 1654 гг.) не достигли цели ввиду препятствования со стороны персидских властей. Прибыть ко двору Великих Моголов смогла лишь дипломатическая миссия Семена Маленького, посетившая Дели и Агру. В 1696 г. Семен Маленький получил от императора Аурангзеба *фирман* (указ), гарантировавший право свободной торговли. К этому времени на русских землях, прилегавших к Северному

в поддержании которых значительное участие принимала созданная индийскими негодантантами в Астрахани коммерческая компания¹³. В астраханском сообществе выходцев из Северо-Западной Индии были знатоки «браминского языка», т.е. санскрита, и нескольких систем индийского письма. Прибывшие из Астрахани в Санкт-Петербург христианизированные индийцы Петр Сунгур и Наратон Лалаев познакомили Г.Я. Кера и Т.Г.З. Байера с системой письма деванагари, набором базовой лексики и грамматикой «браминского языка»¹⁴.

Занятия с индийцами существенно пополнили запас знаний, имевшийся у обоих этих ученых благодаря знакомству с трудами западноевропейских авторов — Барталоме Цигенбальга, Адриана Реланда, Афанасия Кирхера. Первым вкладом в фундамент Российской индианистики стали написанные на латыни работы Т.Г.З. Байера — две крупные статьи под общим названием «Elementa litteraturae Brachmanicae, Tangutanae, Mungalicae»¹⁵ и монография, посвященная истории Бактрии¹⁶. Эти труды представляют историко-научный интерес в сравнении с западноевропейской индианистической литературой того времени, посвященной преимущественно описанию политического и хозяйственно-экономического уклада, религиозных верований и социокультурной системы населения Бенгалии и южноиндийского побережья. Северо-Западная Индия, интересовавшая российского ученого, была тогда очень мало известна европейцам, не говоря уже о сюжетах, связанных с Бактрией.

Следует сказать, что с уходом из жизни Т.Г.З. Байера (1738), а затем и Г.Я. Кера (1740) индианистическая тематика в Академии наук заглохла более чем на 30 лет. Ее возобновлению в определенной степени

караванному пути, уже начали образовываться индийские фактории. В 1822 г. Петр Великий по итогам своей встречи в Астрахани с главой индийской купеческой общины Анбу Рамой издал документ, позволявший негодантам из Индии вести торговую деятельность на всей территории Российской империи. Индийские купцы добирались даже до Верхне-Удинска (совр. Улан-Уде). Об этом свидетельствуют путевые дневники немецкого ботаника Д.Г. Мессершмидта, направленного Петром Великим в экспедицию для изучения Сибири (см.: *Новлянская М.Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970).

¹³ Астраханская индийская компания была создана в начале XVIII в. и просуществовала около 150 лет. Она вела оптовую торговлю так называемыми «восточными товарами», поставлявшимися в основном из Персии, — чаем, пряностями, красителями, коврами и т.д.

¹⁴ Подробно документированное изложение данного исторического сюжета см.: *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008. С. 24–31.

¹⁵ *Bayer Th.S.* Elementa litteraturae Brachmanicae, Tangutanae, Mungalicae // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. Т. III. St.-Pbg., 1728 (1732). P. 389–422; Т. IV. St.-Pbg., 1729 (1735). Необходимо отметить, что тибетский язык в то время именовался «тангутским», чем и объясняется присутствие соответствующего термина в заглавии статьи.

¹⁶ *Bayer T.S.* Historia regni Graecorum Bactriani. Petropoli, 1738.

способствовали экспедиционные исследования акад. П.С. Палласа, который в 1773, 1774 гг. посетил индийскую общину в Астрахани¹⁷. Работая с местными информаторами, П.С. Паллас собрал языковой материал и составил своеобразный разговорник, озаглавленный в его полевых записях «Речи для перевода по-индийски»¹⁸. Екатерина II, стремившаяся утвердить на международном уровне образ России как просвещенной европейской державы, выдвинула идею составления «Сравнительных словарей всех языков и наречий» и предложила П.С. Палласу возглавить эту работу, потребовавшую коллективных усилий российских и зарубежных ученых. В состав данного труда¹⁹ были включены санскритские слова и индийская лексика, собранная П.С. Палласом в Астрахани. В целом «Сравнительные словари», содержавшие 285 слов из 51 европейского и 149 азиатских языков и наречий, явились первым импульсом к становлению сравнительного языкознания в российской науке.

Разносторонняя исследовательская работа П.С. Палласа и его коллег, охватившая различные аспекты жизни полиэтнического населения Российской империи, пунктирно наметила в области востоковедения историческую связь Северо-Западной Индии с теми социокультурными формами буддизма, которые утвердились в среде бурят и калмыков. И. Иериг, сопровождавший П.С. Палласа, составил первый список санскритских, тибетских и монгольских манускриптов и старопечатных изданий, отложившихся в учреждениях Императорской Академии наук к началу 1790-х годов. В нем упоминались 258 единиц хранения без поименования сочинений.

Но в то время специальный научный интерес к письменному наследию буддизма еще не проявился. Буддизм привлекал внимание правящих кругов в первую очередь как одно из вероисповеданий «инородческих» подданных Российской империи²⁰. Екатерина II придавала осо-

¹⁷ Подробнее см.: *Петр Симон Паллас. Некоторые сведения о живущих в Астрахани индийцах* / Пер. с немецкого и комментарии К.Д. Никольской // *Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы)*. С. 48–65.

¹⁸ Рукопись П.С. Палласа хранится в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки (Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 79). О диалектальной и языковой принадлежности «Речей для перевода по-индийски» см.: *Гуров Н.В. У истоков отечественной индологии (русско-«индийский» разговорник 1773 года)* // *Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Тезисы докладов*. СПб., 2006.

¹⁹ Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Высочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1–2. СПб., 1787–1789.

²⁰ Относительная свобода религиозной жизни российских подданных-буддистов была официально санкционирована имп. Елизаветой Петровной, что объяснялось двумя факторами — необходимостью сохранения стабильности на российских территориях, прилежавших к границам с Цинской империей, которая патронировала буддизм, и стрем-

бое значение религиозному фактору в вопросах государственного управления и сохранения социальной стабильности. Придерживаясь рационалистических принципов идеологии немецкого камерализма, императрица проводила в жизнь принцип государственного благорасположения к любой религии, если та содействует спокойствию в обществе и пополнению казны. Сведения о религиозной жизни забайкальских бурят-буддистов, полученные благодаря экспедициям П.С. Палласа, показывали, что буддизм удовлетворяет этим критериям. Более того, ученый выявил в буддизме, лишь незначительно известном образованному российскому обществу того времени, присутствие морально-нравственной компоненты²¹. И это было чрезвычайно важно для оправдания толерантной позиции российской верховной власти в отношении буддийского вероисповедания на «инородческих окраинах»²².

Между тем в отличие от России в Западной Европе последние десятилетия XVIII в. стали для востоковедения временем формирования научных школ. В области индианистики этому во многом способствовало окончательное установление британского владычества в Индии. Для изучения местных языков, религиозных верований и социокультурной системы англичанами было создано в Бенгалии Азиатское общество. Наряду с этой прагматической тенденцией проявилась и заинтересованность в познании культурного наследия южноазиатских народов, что обуславливалось гуманистическими ценностями века Просвещения²³.

лением к регулярному получению ясачного налога с местного населения — сбора пушнины.

²¹ П.С. Паллас суммировал свои наблюдения о религиозной жизни хори-бурят: «...большая половина из них — настоящие язычники и подвластны своим шаманам; однако учителя Ламайского закону, с немалым старанием обращая из них в своё суеверие, сопряженное с некоторым нравоучением, уже успели столько, что учредили между ними своего духовного Гедзиля с двадцатью шестью простыми ламами, а знатнейшие из них Сайсаны, как и сам Тайша, уже несколько одного закона придерживаются» (*Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российского государства*. СПб., 1773–1778. С. 241).

²² Вместе с тем Екатерина II предприняла действия, направленные на реорганизацию буддийской общины по образцу православной церковной иерархии, т.е. под единым контролируемым началом. Высочайшим рескриптом был утвержден титул буддийского иерарха — Бандидо Хамбо-лама. Буддисты-буряты отводились в ведение Министерства внутренних дел, а буддисты-калмыки — в ведение Министерства государственных имуществ. Так выглядела управленческая операционализация тезиса Екатерины II о желательности терпимого отношения к иноверцам: «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковейные сердца». См.: *Ключевский В.О. Русская история*. М., 2004. С. 616.

²³ Лаконичная, но чрезвычайно емкая по содержанию культурологическая характеристика этого периода становления индианистики дана А.А. Вигасиным. См.: *Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы)*. С. 35–37.

Коллекционирование манускриптов индийской письменности становится в 1780-х годах приоритетным направлением в данном аспекте. Рукописные раритеты, вывозившиеся англичанами из Южной Азии, накапливались в фондах Британского музея, Кембриджской библиотеки, в библиотеке Бодли — старейшем древлехранилище Оксфордского университета²⁴. В 1798 г. была создана Библиотека Департамента Индии (Indian Office Library), в фондах которой накапливались коллекции рукописей, собранные чиновниками британской Ост-Индской компании.

Небольшая часть Индийского субконтинента, колонизированная Францией, также служила территориальным ресурсом собирания индийских рукописей, поступавших в древлехранилище парижской Национальной библиотеки.

В российском обществе интерес к индийской культуре удовлетворялся информацией, получаемой из Западной Европы. Как показывают исследования В.Н. Топорова, русские масоны и, в частности, созданное Н.И. Новиковым «Дружеское ученое общество» уделяли пристальное внимание мистическим традициям Индии²⁵. В «Бхагавад-гите»²⁶ деятели русского Просвещения прозревали общечеловеческие духовные смыслы и пути познания основ мироздания. К этому историческому периоду относится и собирание первой коллекции индийских рукописей, осуществленное в научных целях россиянином Герасимом Лебедевым (1749–1817)²⁷ непосредственно в Индии.

Немаловажным фактором, способствовавшим росту интереса к культурному наследию азиатских народов, явилась актуализация в международной политике конца XVIII в. так называемого «восточного вопроса»²⁸. У России складывались отношения напряженности с Перси-

²⁴ Название библиотеки связано с именем ее основателя Томаса Бодли (1545–1613), британского дипломата, собирателя рукописей.

²⁵ См.: Топоров В.Н. Об индийском варианте «говорения языками» в русской мистической традиции // Wiener Slavistischer Almanach. Т. 23. Wien, 1989.

²⁶ Религиозная поэма в составе эпоса «Махабхарата», повествующая о четырех стезях духовного подвижничества. В русском переложении, выполненном с английского перевода А.А. Петровым, другом Н.М. Карамзина, была издана в университетской типографии Н.И. Новикова в 1788 г. под названием «Багуат-Гета, или беседы Кришны с Аржуном, с примечаниями, переведенная с подлинника, писанного на древнем Браминском языке, называемом Санскрита, на Английский, с сего на Российский язык».

²⁷ См.: Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) // Очерки по истории русского востоковедения. Т. 2. М., 1956.

²⁸ Эта проблема возникла в связи с ослаблением Османской империи, включавшей в свой состав многие территории и народы Балканского полуострова, Ближнего Востока и Северной Африки. Рост национальных движений и сепаратистских тенденций поставил под вопрос государственную целостность Турции. Россия наряду с Великобританией, Францией и Австро-Венгрией активно участвовала в решении «восточного вопроса», борясь за обеспечение для себя наиболее выгодного международно-правового

ей²⁹, выступавшей на Среднем Востоке в роли ведущей региональной державы. Между обеими странами развернулась борьба за обладание Закавказьем. Заинтересованность Российской империи в присоединении к своей территории Кавказа³⁰, Грузии и Северного Азербайджана диктовалась экономическими и геополитическими соображениями — стремлением к развитию торговли на Каспии через Астрахань, Дербент и Кизляр и к укреплению государственных границ по горным цепям Кавказского хребта. С точки зрения стратегических интересов империи российское правительство было обеспокоено вмешательством Великобритании в закавказский узел политической напряженности. Великобритания с середины XVIII в. использовала свое влияние в Персии для проникновения в Закавказье и обеспечения выхода к Каспийскому морю. Присутствие в этом регионе рассматривалось британскими стратегами как средство политического давления на Россию и одновременно как фактор сохранения безопасности собственных колониальных владений в Индии.

Активность России в решении восточного вопроса вылилась в две затяжные войны — Русско-иранскую (1804–1813)³¹ и Русско-турецкую (1806–1812)³². На этом фоне в 1804 г. был издан первый общий устав российских университетов, предусматривавший введение востоковедения в образовательную программу. В 1810 г. с проектом учреждения в

режима черноморских проливов и выступая покровительницей национальных движений на Балканах, что давало возможность оказывать давление на правительство Османской империи.

²⁹ Наименование «Персия» существовало до 1935 г., когда эта средневосточная страна стала официально называться Ираном. В рассматриваемый период в фактическом подчинении персидских шахов находились восемь ханств и 11 более мелких владений, располагавшихся в Восточном Закавказье (территория совр. Азербайджана).

³⁰ На Северном Кавказе (территории Дагестана, Кабарды, Чечни, Аварии) существовали разнообразные административно-территориальные и этнополитические образования: ханства, бекства, «вольные сообщества» — моноплеменные самоуправляемые социумы, сложившиеся на родовой основе.

³¹ В результате этой войны России согласно Гюлистанскому мирному договору с Персией отошли Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Карабахское, Дербентское, Кубинское, Бакинское, Тальшское ханства и Муганская степь. Россия также получила преимущественное право держать военный флот на Каспийском море.

³² Для России эта война имела вынужденный характер, так как Турция вынашивала реваншистские планы в отношении Крыма и Причерноморья, намеревалась восстановить господство над Бессарабией, Валахией, Сербией. Вступая в войну, Россия стремилась закрепить свои политические позиции в регионе, установившиеся в конце XVIII в., и усилить собственное влияние на Балканском полуострове. По Бухарестскому мирному договору (1812) к России отошли Бессарабия и участок черноморского побережья с г. Сухуми. Этот мирный договор был заключен за месяц до вторжения Наполеона в Россию, что позволило русскому командованию высвободить Дунайскую армию для отражения наполеоновской агрессии.

России Азиатской академии как центра научного востоковедения выступил С.С. Уваров (1786–1855)³³. Этот написанный на французском языке проект был направлен им министру народного просвещения А.К. Разумовскому и в том же году опубликован³⁴. Годом позже вышли в свет переводы проекта на немецкий и русский языки³⁵. С.С. Уваров передал его через Г.-Ю. Клапорта³⁶ на отзыв Гёте³⁷, а также направил его во Францию³⁸ по дипломатическим каналам.

В литературе по истории востоковедения неоднократно отмечались недостатки того утопического замысла, который содержался в этом документе. Идеи, высказанные С.С. Уваровым, не соотносились ни с наличными кадровыми ресурсами, ни с уровнем развития востоковедных знаний на тот период. В проекте не просматривалась необходимая дифференциация вопросов преподавания востоковедных дисциплин и научно-исследовательской работы. Однако в нем был отчетливо заявлен тезис о важности развития отечественной индианистики и тем самым имплицитно проводилась мысль о заинтересованности Российской империи в Южноазиатском регионе — зоне колониального господства Британской короны³⁹.

³³ До завершения проекта С.С. Уваров состоял секретарем русского посольства в Париже и имел возможность ознакомиться на месте с организацией востоковедения во Франции. Затем он занял пост попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. С 1811 г. — почетный член Императорской Академии наук; с 1818 г. — президент Академии наук. В 1838–1849 гг. — министр народного просвещения. В ведении Министерства народного просвещения с 1810 г. находились все академии и учебные заведения, кроме военных и духовных.

³⁴ *Projet d'une Académie Asiatique*. St.-Pbg., 1810. Без указания автора.

³⁵ Немецкий перевод с дополнительными примечаниями: *Ideen zu einer Asiatischen Academie*. St.-Pbg., 1811. Русский перевод: Мысли о заведении в России Академии Азиатской // *Вестник Европы*. Ч. IV. М., 1811. С. 27–52, 96–120.

³⁶ Г.-Ю. Клапорт (1783–1835) — немецкий ученый-востоковед; с 1804 г. — адъютант Российской Императорской Академии наук по восточным языкам и словесности; с 1807 г. — экстраординарный академик; подготовил первый в истории российского академического востоковедения сборник: *Archiv für asiatische Literatur, Geschichte und Sprachwissenschaft*. Bd I. St.-Pbg., 1810. Письмо С.С. Уварова Г.Ю. Клапорту с просьбой о передаче проекта Гёте хранится в СПФ АРАН (Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 93).

³⁷ Подробнее см.: *Людвиг Э. Гёте*. М., 1955. С. 435, 577.

³⁸ По распоряжению Наполеона доклад о проекте С.С. Уварова готовил французский ученый-востоковед Л. Лангле (1763–1824). См. собрание ученых трудов С.С. Уварова: *Etudes de philologie et de critique par M. Ouvaroff*. St.-Pbg., 1843. P. 51–52. В этом же издании помещен эпистолярный критический отзыв Ж. де Местра о проекте (P. 49–65). Также см.: Азиатская академия. Заметки Хаханова о проекте Кера и проекте гр. Уварова с критическими замечаниями Де-Местра // *Кавказский вестник*. 1902. № 8–9. С. 44–59.

³⁹ В 1807 г. под давлением Наполеона Россия сначала присоединилась к континентальной блокаде Англии, а затем разорвала с ней дипломатические отношения. Восстановление русско-английских отношений состоялось только в 1812 г., когда между странами был заключен антинаполеоновский союзнический договор.

В своем проекте С.С. Уваров характеризовал Азию и, в частности, Индию как исторический очаг древней культуры и «первоначального просвещения» и выдвигал задачи, непосредственно связанные с изучением индийского письменного наследия: составление санскритского словаря⁴⁰, перевод вед — древнейших памятников индо-арийской словесности и эпоса «Махабхарата», анализ индийских философских сочинений. Эта обширная программа не только свидетельствовала о приверженности ее автора западноевропейскому, преимущественно немецкому, романтизму, но и резко контрастировала с утилитаристскими тенденциями британского востоковедения, идеологически обусловленного европоцентристской позицией⁴¹.

Усиление интереса к Востоку в российском обществе со второй половины 1810-х годов опосредованно ассоциировалось с отказом русской дипломатии от активного вмешательства в европейские дела по завершении Отечественной войны 1812 г. Во внешней политике России восточный вопрос приобретал все больший удельный вес, и это в чрезвычайно значительной степени способствовало как становлению отечественной науки о Востоке, так и развитию государственного коллекционирования восточных рукописей.

Стремясь к продвижению своих границ в Азии, Российская империя одновременно заявляла себя просвещенной хранительницей письменного наследия народов Востока. 22 марта 1818 г. С.С. Уваров, уже будучи президентом Императорской Академии наук, выступил на торжественном собрании Главного педагогического института⁴² с речью, ставшей важной вехой в истории российского востоковедения⁴³. Тема

⁴⁰ О реализации этого замысла на фоне становления санскритологии в России см.: Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). С. 108–139.

⁴¹ В истории британской индианистики утилитарное направление, связанное с проблемами колониального менеджмента, играло значительную роль. Английское колониальное чиновничество внесло серьезный вклад в изучение и описание живых языков, религиозных верований и культурных традиций народов Индийского субконтинента. Однако в рамках этого направления европейская культурная традиция рассматривалась как эталон исторического развития человечества, что бесосновательно обесценивало достижения нехристианских культур.

⁴² Главный педагогический институт был учрежден в Санкт-Петербурге в 1816 г.; в этом учебном заведении вскоре открылись кафедры восточных языков — арабского и персидского. 8 февраля 1819 г. институт был преобразован в Санкт-Петербургский Императорский университет.

⁴³ Речь была прочитана по случаю введения в заведование кафедрами восточных языков приглашенных профессоров — Ж.-Ф. Деманжа (кафедра арабского языка) и Ф.-Б. Шармуа (кафедра персидского языка). Речь С.С. Уварова в том же году вышла в свет отдельным изданием. См.: Речь президента Имп. Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного Педагогического института 22 марта 1818 г. СПб., 1818.

Востока и Индии как «колыбели всей мировой культуры» зазвучала в ней с новой силой. В историческом прошлом Индии С.С. Уваров призывал узреть истоки интеллектуальных достижений Запада. Он говорил о выдающихся памятниках индийской словесности и о превосходстве санскрита над всеми известными в мире языками, о достоинствах классической поэзии Индии — ее изящной простоте и духовной зрелости, о перспективах благотворного влияния санскритской литературы на вкусы российского читателя и творчество русских писателей и поэтов.

Вместе с тем в речи С.С. Уварова был сделан и геополитический акцент — президент Академии наук предлагал своим слушателям взглянуть на карту России, чтобы убедиться в необходимости обретения индианистических познаний.

В ноябре 1818 г. по инициативе С.С. Уварова при Академии наук был учрежден Восточный кабинет, который спустя месяц стал именоваться Азиатским музеем⁴⁴ и получил в хранение все восточные манускрипты и старопечатные издания, накопленные в академических учреждениях. Его первому директору и единственному штатному сотруднику акад. Х.Д. Френу⁴⁵ предстояло упорядочить эти материалы, чтобы составить целостное впечатление об имеющемся. В результате классификации было выделено несколько собраний и в том числе первоначально небольшое индийское собрание⁴⁶.

В первой половине 1830-х годов в российском востоковедении начали появляться труды, активизировавшие научный интерес к пополнению индийского собрания Азиатского музея санскритскими рукописями⁴⁷. Первые успехи сравнительного языкознания привлекли внимание образованной части российского общества к идее по-

⁴⁴ В течение первого года функционирования Азиатского музея в его составе были сформированы три отдела: востоковедная библиотека, Азиатский архив (ныне — Архив востоковедов ИВР РАН) и древлехранилище, что свидетельствует об изначальной научно-исследовательской направленности в деятельности этого учреждения.

⁴⁵ Х.Д. Френ руководил Азиатским музеем с 1818 по 1842 г. Его преемником на этом посту стал Борис Андреевич (Альбрехт Бернгард) Дорн (1805–1881), авторству которого принадлежит очерк истории Азиатского музея, охватывающий первое десятилетие его существования. См.: *Dorn B. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. St.-Pbg., 1846.*

⁴⁶ О динамике пополнения Индийского фонда см.: *Воробьев-Десятовский В.С. Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР // Пособова Т.К., Чижикова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М., 1999. С. 7–11.*

⁴⁷ В 1830 г. была опубликована книга почетного академика Ф. Аделунга, посвященная библиографическому обзору изданных произведений на санскрите (*Adelung F. Versuch einer Literatur der Sanskrit-Sprache. St.-Pbg., 1830.*)

иска истоков славянских языков в древних пластах индийской словесности⁴⁸.

Именно в этот период индийское собрание Азиатского музея обогатилось копией одного из наиболее ранних произведений махаянского буддизма, рукопись которого была обнаружена Р.Х. Ленцом (1808–1836)⁴⁹ в библиотеке Оксфордского университета.

Следует подчеркнуть, что вопрос о настоятельной необходимости изучения индийского этапа в истории буддизма был впервые поставлен в российском востоковедении Я.И. Шмидтом. Он справедливо полагал, что без знания санскритских источников невозможно достигнуть полнообъемного понимания тех социокультурных форм буддизма, которые исторически сложились в процессе продвижения этой религии из Индии в Центральную Азию⁵⁰ и укоренились в среде бурят и калмыков. Я.И. Шмидт считал, что поиск буддийских произведений на санскрите необходимо вести прежде всего в древлехранилищах Англии и Франции с целью последующего копирования найденных манускриптов⁵¹.

Однако в тот период вести такого рода поиск было чрезвычайно затруднительно, поскольку ни в российском, ни в зарубежном востоковедении еще не сформировалось сколько-нибудь отчетливое представление о структуре буддийского письменного наследия Индии⁵². Обнаружение Р.Х. Ленцом непальской рукописи, содержащей текст «Лали-

⁴⁸ В 1833 г. в Харькове вышло в свет исследование Б.А. Дорна «О родстве языка славянского и санскрита» (на латинском языке). Подробнее см.: *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). С. 78–82.

⁴⁹ О научной деятельности Р.Х. Ленца см.: *Зограф Г.А.* Роберт Христианович Ленц (1808–1836) // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1960. № 279. Серия востоковедческих наук. Вып. 9. С. 31–38.

⁵⁰ Я.И. Шмидту уже была известна историческая роль тибетских переводов санскритских произведений в процессе укоренения буддизма в Центральной Азии. По инициативе этого выдающегося ученого в Санкт-Петербурге был отпечатан литографским способом каталог к нартанскому изданию Ганджура, поступивший в Азиатский музей в 1835 г. в составе коллекции П.С. Шиллинга фон Канштадта. См.: *Kandjur oder der Index des Kandjur. St.-Pbg.*, 1842.

⁵¹ Копирование рукописей являлось необходимым способом пополнения коллекций Индийского фонда Азиатского музея.

⁵² Санскритское письменное наследие буддизма было почти полностью позабыто в Индии того времени. В открытие для европейской науки этой важнейшей части источниковой базы буддологии значительный вклад внес Б.Х. Ходжсон (1801–1851), британский резидент в Непале. В 1832 г. собранная Б.Х. Ходжсоном коллекция буддийских санскритских рукописей, происходящих из Непала, была передана ведущим западноевропейским востоковедам-индианистам. На основе изучения этих манускриптов Э. Бюрнуф написал первую буддологическую монографию, посвященную источниковедческой проблематике, — «Введение в историю индийского буддизма». См.: *Burnouf E.* Introduction à l'histoire du banduhisme indien. P., 1844.

та-вистара-пураны»⁵³, положило начало изучению санскритских письменных памятников буддизма, получивших распространение в Центральной Азии⁵⁴. Выполненная им в латинской транслитерации копия этого пространного манускрипта является исторически первой единицей хранения в составе буддийской коллекции индийского собрания Азиатского музея⁵⁵.

Новый этап в изучении письменных памятников буддизма начался в России в период институционального оформления востоковедения как самостоятельного направления академических исследований. В обновленном уставе Академии наук, изданном в 1836 г., это направление было обозначено как «история и культура азиатских народов». А с 1841 г. в программу Отделения исторических, филологических и общественных наук⁵⁶ было введено также и «изучение восточных народностей России». С этого времени и началось целенаправленное изучение буддизма как одной из религий, утвердившейся в сопредельных России странах — Монголии и Китае, а также на «инородческих окраинах» империи. В трудах тибетолога А.А. Шифнера (1817–1879) и китаевода В.П. Васильева (1818–1900) был намечен путь исследования исторического продвижения буддизма в Центральную Азию и на Дальний Восток. В этих регионах, как показал акад. В.П. Васильев, получила распространение именно та ветвь буддизма Индии, лингвистическим средством которой являлся санскрит.

Но в западноевропейском востоковедении становление буддологии шло несколько иным путем. Англо-германская школа буддологических исследований формировалась в проблемном поле индианистики и в последней четверти XIX в. полностью сосредоточилась на изучении буддийской канонической литературы на среднеиндийском языке пали.

Палийский корпус канонизированных текстов, Типитака («Три собрания»⁵⁷), сохранился в оригинале полностью в отличие от санскритской Трипитаки, об историческом существовании которой было извест-

⁵³ Это произведение является наиболее ранним образцом махаянской агиографической литературы о Будде Шакьямуни.

⁵⁴ См.: *Lenz R. Analyse du Lalita-Vistara-Pourana, l'un des principaux ouvrages sacrés des bouddhistes de l'Asie Centrale, contenant la vie de leur prophète, et écrit en sanscrit // Bulletin scientifique, publié par l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. 1836. T. I. № 7–13.*

⁵⁵ См.: *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 98. Копия, выполненная Р.Х. Ленцом, числится в этом каталоге под № 463 как «Lalitavistara [buddha] purana».

⁵⁶ С 1844 г. — Отделение историко-филологических наук.

⁵⁷ В востоковедной литературе нередко встречается буквальный перевод — «Три корзины».

но в XIX в. лишь по китайским и тибетским переводам⁵⁸. Кодификация текстов Типитаки, начатая предположительно в III в. до н.э., осуществлялась в рамках древней *тхеравады*, представлявшей южную ветвь буддизма Индии. В ходе распространения буддийского вероучения за пределы Индостана школа *тхеравада* утвердилась на о. Цейлон, где положила начало сингальской социокультурной форме буддизма, и в странах Юго-Восточной Азии.

Наблюдавшийся в 1860-х годах рост научного интереса к буддизму в Западной Европе и России вызывался тенденциями пробуждения национального самосознания азиатских народов. Накопление сведений о религиях, древней истории и культуре Востока стало рассматриваться как одна из приоритетных задач, что закономерно сопровождалось появлением востоковедных научных обществ и созданием соответствующих отделений в учрежденных ранее научных организациях⁵⁹.

Палийский канон привлекал пристальное внимание британских инданистов как свод священных текстов, почитаемых колонизованными буддийскими этносами Юго-Восточной Азии. Но одновременно Типитака интересовала западноевропейских ученых и в аспекте получения знаний о так называемом «первоначальном буддизме», непосредственно связанном с периодом деятельности основоположника вероучения. Два первых раздела палийского канона — Сутта (санскр. Сутра, собрание проповедей) и Виная (санскр. Виная, свод религиозно-нравственных наставлений, дополненный нравоучительными повествованиями⁶⁰) — содержали тексты, которые традиция приписывала авторству Будды Шакьямуни. И именно в силу этого Сутта и Виная расценивались боль-

⁵⁸ В состав сводов буддийских текстов, канонизированных в Китае и Тибете, были включены переводы санскритских произведений, канонизированных в традициях школ северной Хинаяны. Этот вопрос был впервые детально изучен В.П. Васильевым во время длительного пребывания в Пекинской православной миссии. Но большая часть его трудов так и не была подготовлена к публикации. Обзор научного вклада акад. В.П. Васильева см.: *Ольденбург С.Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму // Ольденбург С.Ф. Этюды о людях науки / Отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., предисл., коммент. А.А. Вигасин. М., 2012. С. 302–322.*

⁵⁹ Востоковедение в России стало важным направлением деятельности Императорской археологической комиссии, основанной в 1859 г., Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, учрежденного при Московском университете в 1863 г., Императорского Московского археологического общества, основанного в 1864 г., и Общества археологии, истории и этнографии, созданного при Казанском университете несколько позднее — в 1878 г. Обзор отечественных научных обществ см.: *Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1994. С. 29–36.*

⁶⁰ Занимательные нравоучительные рассказы в жанре *джатака*, повествующие об эпизодах из прошлых рождений Будды Шакьямуни, и легенды в жанре *авадана*, включенные в состав Винаи, использовались буддийскими наставниками в проповеднической деятельности.

шинством западноевропейских индианистов как единственный аутентичный компендиум сведений о «первоначальном предании» — событиях жизни Будды Шакьямуни и его учении.

Третий раздел — Абхидхамма (санскр. Абхидхарма) считался в этом аспекте менее значимым, поскольку включенные в его состав семь трактатов являлись, как свидетельствовали колофоны рукописей, творениями учеников и последователей основоположника буддизма.

В России изучением палийских канонических произведений занялся И.П. Минаев (1840–1890)⁶¹, родоначальник российской индологии⁶². К началу 1860-х годов в индийском собрании Азиатского музея имелась рукопись, содержащая тексты из Виная-питаки⁶³ — регламенты поведения монахов и монахинь, соответственно образующие первый и второй разделы «Патимоккха-сутты» (санскр. «Пратимокша-сутра»): «Bhikkhupāṭimokkha» и «Bhikkunīpāṭimokkha». Имелись также и рукописи раннесредневековых сингальских комментариев к ним на языке пали⁶⁴ — «Kaṅkhāvīṭaraṇī». Все три манускрипта, выполненные сингальским письмом на пальмовых листьях, происходили из Цейлона. Источники их поступления в Азиатский музей не были своевременно зафиксированы и так и остались неизвестными. И.П. Минаев подготовил к изданию и перевел на русский язык тексты «Bhikkhupāṭimokkha» и соответствующий раздел «Kaṅkhāvīṭaraṇī». Публикация его книги «Пратимокша-сутра. Буддийский служебник», вышедшей в свет в 1869 г., стала существенным вкладом в процесс формирования буддологии в качестве востоковедной дисциплины.

В течение двух последующих десятилетий И.П. Минаев поддерживал тесные научные связи с Т.В. Рис-Девидсом, основателем «Общества [по изучению] палийских текстов», и сотрудничал с выпускавшимся

⁶¹ И.П. Минаев обучался на факультете восточных языков под руководством В.П. Васильева, специализируясь в области китаистики и монголоведения. Но затем он предпочел посвятить себя изучению Индии. В период постдипломной научной командировки в Западную Европу (1863–1868) И.П. Минаев слушал лекции Ф. Боппа в Берлинском университете, брал уроки санскрита у проф. Геттингенского университета Т. Бенфея, знакомился с востоковедными древлехранилищами Франции, Англии. В Париже он занимался составлением каталога палийских рукописей Национальной библиотеки. С 1864 г. И.П. Минаев состоял членом Немецкого востоковедного общества. О научной деятельности И.П. Минаева подробнее см.: *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). С. 140–153.

⁶² До И.П. Минаева в России существовала только санскритология, в которой не ставились задачи изучения исторических путей развития культуры Индии. И.П. Минаев первым приступил к выдвижению индологической проблематики в российском востоковедении. Буддологические исследования И.П. Минаева развивались как неотъемлемый аспект его интересов к истории индийской культуры.

⁶³ См.: *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 74. № 321.

⁶⁴ Там же. С. 36. № 84 и № 85.

в Лондоне периодическим изданием этого буддологического объединения.

Хотя И.П. Минаев изучал палийские тексты, его научные позиции отличались от методологических подходов классиков англо-германской буддологической школы, окончательно сложившейся в 1880-х годах. В трудах Т.В. Рис-Девидса, Р. Чилдерса, Г. Ольденберга, опубликованных при жизни И.П. Минаева, прослеживалась тенденция отождествления текстов Типитаки с истинной «религией Будды», якобы изначально простой и догматически незамутненной⁶⁵. Под таким углом зрения исторический буддизм, продолжавший свое существование в многообразии школ и направлений, оказывался обесцененным и не заслуживающим значительного научного внимания. И.П. Минаев, имевший возможность изучить древние археологические артефакты буддийской художественной культуры Северо-Западной Индии, не был согласен с редукцией «первоначального буддизма» только к каноническому наследию южной традиции. Его буддологические исследования развивались в русле опровержения этой идеи⁶⁶.

В первом томе своей итоговой монографии⁶⁷ И.П. Минаев показал, что буддизм исходно представлял собой историческое явление, формировавшееся в период становления канонической традиции не только на юге Индостана, но и на северных его территориях⁶⁸. Анализируя мате-

⁶⁵ Такой подход обуславливался, как показали исследования В.Г. Лысенко, перенесением в область буддологии принципов, разрабатывавшихся в протестантской теологии последней четверти XIX в. Протестантские теологи либерального направления противопоставляли «религию Христа», запечатленную в евангельских текстах, «учениям Церкви», сложившимся в историческом бытии христианских конфессий. Подробнее см.: *Лысенко В.Г. Ранняя буддийская философия // Лысенко В.Г., Терентьев А.А., Шохин В.К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М., 1994. С. 32–40.*

⁶⁶ Критика методологической неоправданности противопоставления «первоначального» и исторического буддизма была продолжена С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским. В частности, см.: *Ольденбург С.Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму // Ольденбург С.Ф. Этюды о людях науки / Отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., предисл. и коммент. А.А. Вигасин. С. 310–315; Щербатской Ф.И. Центральная концепция буддизма и значение термина «дхарма» // Щербатской Ф.И. Труды по буддизму. М., 1988. С. 112–116.*

⁶⁷ *Минаев И.П. Буддизм. Исследования и материалы. Т. 1. Вып. 1–2. СПб., 1887. Перевод на французский язык: Minayeff I. Recherches sur le bouddhisme. P., 1894.*

⁶⁸ Этот вывод был сделан И.П. Минаевым на основе сопоставления сюжетов нравоучительных повествований (*джатак*), включенных в состав палийского канона, с их вариантами, изображенными на рельефах Бхархутской ступы, датируемой II–I вв. до н.э., когда кодификация палийской Винаи еще не завершилась. В 1883 г. вышел в свет подготовленный японским ученым Бунью Нандзё Каталог китайских переводов из санскритской Трипитаки. См.: *Nanjio B. A Catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist Tripitaka, the Sacred Canon of the Buddhist of China and Japan. Compiled by Order of the Secretary of the State for India. Oxford, 1883.*

риалы по ранней истории буддийских соборов, ученый пришел к выводу, что эти древние религиозные форумы посвящались не спорам о догматической чистоте воззрений той либо иной буддийской школы, а согласованию приемлемых вариантов исполнения религиозно-дисциплинарных предписаний Винаи. Это в свою очередь означало, что ни одна из ранних школ не претендовала на статус ортодоксальной хранилища «Слова Будды», а следовательно, и палийский канон не должен рассматриваться в науке в качестве единственного аутентичного источника знаний о древнем этапе истории буддизма.

Изучение памятников индийской письменности, поступавших в центральноазиатское собрание Азиатского музея из Восточного Туркестана, начиная с 1890-х годов, подтвердило правоту выводов И.П. Минаева. Его выдающиеся ученики-академики, основоположники санкт-петербургской буддологической школы С.Ф. Ольденбург (1863–1934) и Ф.И. Щербатской (1866–1942) выдвинули на передний план проблему изучения письменных памятников северного буддизма⁶⁹. И именно это направление, охватывающее процессы формирования буддийской традиции в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, стало магистральным для дальнейшего развития отечественной и мировой буддологии.

В индийском собрании Азиатского музея северная ветвь буддизма представлена сравнительно небольшим числом манускриптов. Однако среди них имеются весьма интересные и ценные письменные памятники. Два манускрипта содержат литературные произведения, предназначенные для буддистов-мирян. Это — рукописи «Aśokāvadānamāla»⁷⁰ и «Buddhacarita»⁷¹. В первой представлен текст «Гирлянды легенд о [царе] Ашоке», выполненный письмом деванагари. Рукопись хорошей сохранности, весьма объемная (формат 43×13; 332 л). Источник ее поступления в Азиатский музей остается неизвестным. Рукопись использовалась в издании: *Бонгард-Левин Г.М., Волкова О.Ф.* Легенда о Кунале. М., 1963.

Произведение представляет собой сборник литературно обработанных нарративов о царственном покровителе буддизма имп. Ашоке Маурье (III в. до н.э.). Тематически «Гирлянда легенд о [царе] Ашоке» примыкает к канонической «Ашока-авадане» из состава Винаи. Жанр *авадана*, обычно интерпретируемый как «легенда» или «предание»,

⁶⁹ В 1897 г. по инициативе С.Ф. Ольденбурга на базе Российской Императорской Академии наук с целью публикации письменных памятников северного буддизма, исследований и переводов была учреждена международная научно-издательская серия “Bibliotheca Buddhica”, просуществовавшая до 1937 г.

⁷⁰ См.: *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 27. № 35.

⁷¹ С. 79. № 346.

имел в буддийской традиции древней и раннесредневековой Индии специфическую идеологическую нагрузку, связанную с учением о достойном действии⁷². К категории «достойных» относились бескорыстные деяния, соответствующие ценностной аксиоматике буддизма и порождающие в качестве своего трансцендентного (кармического) следствия религиозную заслугу (санскр. *пунья*). Отметим, что «Гирлянда легенд о [царе] Ашоке» является важным источником сведений о буддийской концепции благой верховной власти.

Вторая рукопись содержит жизнеописание Будды Шакьямуни, составленное в форме поэмы мыслителем махаянского направления Ашвагхошей (I–II вв.) на великолепном классическом санскрите. Рукопись хорошей сохранности, выполнена письмом деванагари (формат 17×22,5; 11 л.). В состав индийского собрания она поступила в 1937 г., когда фонды Азиатского музея уже находились в хранении Института востоковедения АН СССР, созданного в Ленинграде в 1930 г. Рукопись была привезена из Монголии М.И. Тубянским (1893–1937)⁷³, учеником акад. Ф.И. Щербатского. Не использовалась ни в отечественных, ни в зарубежных изданиях.

«Буддхачарита» относится к разряду ранних буддийских агиографических произведений, в ряду которых стоят «Лалита-вистара-пурана», «Махавасту», «Нидана-каткха». Хотя поэма Ашвагхоши несет в себе приметы принадлежности к махаянскому буддизму, это произведение тесно связано с текстами Трипитаки — сутрами, содержащими сообщения о событиях религиозной деятельности Будды, и каноническими джатаками.

В данной связи отметим, что в Индийском фонде имеется манускрипт, содержащий палийское агиографическое произведение, посвященное Будде, — «Pathamasambodhi»⁷⁴, в котором жизнеописание Учителя излагается с периода обретения Просветления. Рукопись выполнена кхмерским письмом на пальмовых листьях (в досках); формат 54×5; 224 л. (14 связок, без окончания текста). Манускрипт поступил в Ази-

⁷² Концепция достойного действия изложена в четвертом разделе трактата Васубандху (IV–V вв.) «Абхидхармакоша» («Энциклопедия буддийской канонической философии») — «Учение о карме». См.: *Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша)*. Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме / Изд. подгот. Е.П. Островская, В.И. Рудой. М.: 2001. С. 615–622. Отметим, что содержание широко известных эпиграфических эдиктов Ашоки напрямую соотносится с буддийским учением о достойном действии.

⁷³ О научной деятельности М.И. Тубянского см., в частности: *Островская Е.П. М.И. Тубянский (1893–1937) как представитель отечественной научной школы // Пятье востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Труды участников научной конференции*. СПб., 2012. С. 45–60.

⁷⁴ См.: *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 73. № 313.

атский музей в 1907 г. в составе коллекции рукописей (35 ед.), привезенной российским ученым-этнографом Н.И. Воробьевым из Юго-Восточной Азии. В ней представлены буддийские произведения на языках пали, сингальском, кхмерском, тайском. В их число вошли и канонические тексты, в частности, сборники джатак из Куддхака-никаи (раздел Виная-питаки).

Хранящиеся в Индийском фонде рукописи буддийских трактатов на санскрите по науке логики характеризуют классический этап в истории философии махаянского направления. Как известно, буддийская философия в качестве высокоразвитого теоретического умозрения была открыта для европейской науки акад. Ф.И. Щербатским. Его первая работа в этом направлении посвящалась трактату Дхармакирти (600–660) «Ньяя-бинду» и комментарию к нему «Ньяябинду-тика» Дхарматтары (предположительно 750–810)⁷⁵. В Индийском фонде имеется непальская рукопись «Nyāyabinduṭīkā»⁷⁶, выполненная письмом невари на пальмовых листьях (формат 28×5,5; 60 л.; отсутствуют л. 1–8, 27, 41, 43, 55). Источник и дата ее поступления в Азиатский музей не выяснен. Рукопись не использовалась ни в отечественных, ни в зарубежных изданиях.

Отметим, что в индийском собрании имеется также и рукопись контркомментария к «Ньяябинду-тике», составленного мыслителем-джайном Маллавадином (VIII в.), — «Dharmottaraṭīpanaka»⁷⁷. Это выполненная в 1911 г. копия с манускрипта из древлехранилища храма Паршванатхи в Джайсалмере; письмо деванагари; формат 21×18; 111 л. Источник ее поступления в Азиатский музей не известен.

Отдельный научно-исторический сюжет связан с рукописью буддийского трактата по науке логики «Nyāyargaveśa»⁷⁸. Рукопись без окончания, выполнена письмом деванагари; формат 27,5×13; 20 л. Источник ее поступления в Азиатский музей не известен.

Вплоть до начала 1910-х годов санскритский оригинал «Ньяяправешы» считался утраченным. Но в собраниях Азиатского музея имелись его переводы на китайский и тибетский языки. Интерес к этому произведению со стороны Ф.И. Щербатского, возникший еще в начале 1900-х гг., был обусловлен тем, что в «Ньяяправеше» излагаются логико-теоретические концепции, необходимые для понимания эпистемологических идей махаянской школы *виджнянавада* (*йогачара*). Кро-

⁷⁵ Щербатской Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1. Учебник логики Дхармакирти с толкованием на него Дхарматтары. Ч. 2. Учение о восприятии и умозаключении. СПб., 1903–1909.

⁷⁶ См.: Посова Т.К., Чижикова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 71. № 299.

⁷⁷ Там же. С. 64. № 261.

⁷⁸ Там же. С. 70. № 295.

ме того, как удалось выяснить О.О. Розенбергу (1888–1919), ученику Ф.И. Щербатского, именно «Ньяяправеша» в китайском переводе выступала основой изучения буддийской логики в Японии⁷⁹ и породила там объемную комментаторскую традицию.

Санскритский оригинал трактата был обнаружен в индийском собрании Азиатского музея Н.Д. Мионовым (1880–1936)⁸⁰, который с 1903 г. занимался по заданию Министерства народного просвещения каталогизацией индийских рукописей⁸¹. В связи с этой находкой С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Щербатской планировали комплексный научно-издательский проект для серии “*Bibliotheca Buddhica*”. Предполагалось издать санскритский оригинал, тибетский и китайский переводы «Ньяяправеша», а также санскритский комментарий «Ньяяправеша-тика» Харибхадры, рукопись которого в 1912 г. С.Ф. Ольденбург передал в Азиатский музей. (Это — копия с манускрипта Деканского колледжа⁸².)

Предполагалось, что к изданию тексты санскритского оригинала «Ньяяправеша» и комментария Харибхадры будет готовить Н.Д. Мионов, а подготовкой текста китайского перевода займется по возвращении из Японии О.О. Розенберг. Тибетским текстом Ф.И. Щербатской намеревался заняться сам. Также планировалось составить трехязычный (санскритско-тибетско-китайский) терминологический индекс.

Однако эти планы были нарушены событиями, связанными с Октябрьской революцией 1917 г. Н.Д. Мионов, состоявший в аппарате Временного правительства, бежал из Петрограда в Иркутск, откуда в годы Гражданской войны ушел в эмиграцию. О.О. Розенберг также покинул Петроград. В 1919 г. этот выдающийся молодой ученый умер в Таллинне от осложнения на сердце после тяжелого эпидемического заболевания.

Работу над проектом взял на себя М.И. Тубянский, зачисленный в штат Азиатского музея по рекомендации Ф.И. Щербатского в 1920 г. Проведенное им исследование показало, что автором «Ньяяправеша» являлся не индийский логик Дигнага (450–520), как полагал Н.Д. Ми-

⁷⁹ Об этом он сообщал в письме Ф.И. Щербатскому от 19 мая 1913 г., опубликованном А.А. Вигасиным в составе писем О.О. Розенберга из Японии. См.: *Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы)*. С. 484.

⁸⁰ О научной деятельности Н.Д. Мионова см.: *Вигасин А.А. Эмигранты: Н.Д. Мионов и А.А. Сталь-Гольштейн // Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы)*. С. 495–503.

⁸¹ Н.Д. Мионов успел выполнить только часть этого задания, связанную с описанием рукописей на санскрите и пали. См.: *Мионов Н.Д. Каталог индийских рукописей*. Пг., 1914 (Каталоги Азиатского музея. Вып. 1).

⁸² См.: *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 70. № 297. Копия выполнена письмом деванагари; формат 21×34; 17 л.

ронов, а его ученик Шанкарасвамин⁸³. Однако завершить работу над проектом М.И. Тубьянскому не удалось, так как типографский набор тибетского и китайского текстов памятника был приостановлен из-за недофинансирования. В персональном фонде М.И. Тубьянского, хранящемся в Архиве востоковедов ИВР РАН, отложились гранки этого труда — 21 страница тибетского и 76 страниц китайского переводов «Ньяяправеша». Санскритский оригинал трактата был издан Н.Д. Мироновым в 1931 г. в Лейдене⁸⁴.

Имеются в Индийском фонде и две рукописи произведений классика махаянской философской мысли Камалашилы (VIII в.), ученика и сподвижника Шантаракшиты — настоятеля монастыря-университета Наланда и прославленного проповедника буддизма в Тибете. Одна из них содержит мегакомментарий к трактату Шантаракшиты «Таттвасамграха» — «*Tattvasamgraharañjikā*»⁸⁵, выполненная письмом деванагари; формат 21×18; 1524 л. В рукописи представлены главы 1–5 произведения. Ни время, ни источник ее поступления в Азиатский музей выяснить не представляется возможным. Рукопись не использовалась ни в отечественных, ни в зарубежных изданиях.

В другой рукописи содержится санскритский оригинал трактата Камалашилы «Бхаванакрама». Рукопись выполнена письмом невари⁸⁶, формат 46×8,5. Использована в издании: *Камалашила*. Бхаванакрама (Трактат о созерцании) / Факсимиле с предисловием Е.Е. Обермиллера. М., 1963.

Манускрипт является ценнейшим раритетом. Кроме него науке известны только две рукописи «Бхаванакрамы» в санскритском оригинале. В Азиатский музей манускрипт был передан С.Ф. Ольденбургом в 1912 г. Талантливейший ученик Ф.И. Щербатского востоковед-буддолог Е.Е. Обермиллер (1901–1935) обратился к этой рукописи в связи с работой над переводом историографического трактата тибетского мыслителя Бутона Ринчендупа (1290–1364) «История буддизма». «Бхаванакрама» представляет значительный научный интерес, так как в ней отмечены узловые пункты полемики между буддийскими школами Тибета на раннем этапе их становления. В предисловии к факсимильному изданию рукописи Е.Е. Обермиллер характеризовал ее следующим образом: «Весьма интересно отметить, что наш источник находится в трудах того самого Камалашилы, который одержал победу в

⁸³ См.: *Tubiansky M.I. On the Authorship of Nyāyapraveśa* // Известия АН СССР. Серия 6. 1926. Т. 20. № 9. С. 975–982.

⁸⁴ *Nyāyapraveśa*. I. Sanskrit Text ed. and reconstructed by N.D. Mironov // T'oung Pao. 1931. 1–2. С. 1–24.

⁸⁵ *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. С. 57. № 213.

⁸⁶ Там же. С. 84. № 376.

диспуте, описанном Бутоном⁸⁷. Азиатский музей Академии наук в Ленинграде обладает маленькой санскритской рукописью, являющейся даром покойного далай-ламы и привезенной из Тибета Цанид-Хамбо Агван Доржиевым, Верховным Ламой бурятских и калмыцких буддистов. Упомянутая рукопись состоит из восьми листов серой тибетской бумаги, написана четким и правильным непальским алфавитом, ошибок мало. Углы листов обожжены, но повреждения очень незначительны (обычно с обеих сторон недостает не более 3–4 букв)⁸⁸.

Подводя итог изложенному, необходимо сказать, что буддийские рукописи из Юго-Восточной Азии, отложившиеся в Индийском фонде ИВР РАН, заслуживают отдельного рассмотрения. Большая часть из них еще лишь поверхностно изучена.

В настоящее время, учитывая успехи буддологии и, в частности, историко-философских исследований в этой области, требуется заново определить целый ряд манускриптов и пересмотреть прежние квалификации. Без выполнения такой работы практически невозможно классифицировать и адекватно оценить научную значимость этих материалов, установить их реальную численность в составе собрания. Кроме того, необходимо сопоставить номенклатуру буддийской коллекции Индийского фонда ИВР РАН с каталогами манускриптов, отложившихся в других, отечественных и зарубежных, востоковедных древлехранилищах. Буддийская часть индийского собрания разноязыка и разнописьменна, что наряду с содержательной сложностью материала затрудняет проблему исчерпывающего описания коллекции. Тем не менее начать можно было бы с составления отдельного перечня буддийских манускриптов. Эти задачи настоятельно требуют своего разрешения, так как в настоящее время изучению религий и, в частности, письменного наследия буддизма придается большое значение во всем мире.

Литература

Азиатская академия. Заметки Хаханова о проекте Кера и проекте гр. Уварова с критическими замечаниями Де-Местра // Кавказский вестник. 1902. № 8–9. С. 44–59.

Aziatskaya akademiya. Zаметki Hahanova o proekte Kera i proekte gr. Uvarova s kriticheskimi zamechaniyami De-Mestra // Kavkazskiy vestnik. 1902. № 8–9. S. 44–59.

Базильянец А.П., Гринкруг И.М. Три проекта организации изучения восточных языков и Востока в России // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 г.). М., 1984.

⁸⁷ Имеется в виду диспут в Самье, первом буддийском монастыре Тибета (792 или 797 г., по данным разных источников).

⁸⁸ Камалашила. Бхаванакрама (Трактат о созерцании) / Факсимиле с предисловием Е.Е. Обермиллера. С. 14.

- Bazilyants A.P., Grinkrug I.M.* Tri proekta organizatsii izucheniya vostochnykh yazykov i Vostoka v Rossii // Formirovanie gumanisticheskikh traditsiy otechestvennogo vostokovedeniya (do 1917 g.). M., 1984.
- Васубандху.* Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме / Изд. подгот. Е.П. Островская, В.И. Рудой. М.: 2001.
- Vasubandhu.* Entsiklopediya Abhidharmyi (Abhidharmakosha). Razdel III: Uchenie o mire; Razdel IV: Uchenie o karme / Izd. podgot. E.P. Ostrovskaya, V. I. Rudoy. M.: 2001.
- Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.
- Vigasin A.A.* Izuchenie Indii v Rossii (ocherki i materialyi). M., 2008.
- Воробьева-Десятовская М.И.* Великие открытия русских ученых в Центральной Азии. СПб., 2011.
- Vorobyova-Desyatovskaya M.I.* Velikie otkryitiya russkikh uchenykh v Tsentralnoy Azii. SPb., 2011.
- Воробьев-Десятовский В.С.* Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) // Очерки по истории русского востоковедения. Т. 2. М., 1956.
- Vorobyov-Desyatovskiy V.S.* Russkiy indianist Gerasim Stepanovich Lebedev (1749–1817) // Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya. T. 2. M., 1956.
- Воробьев-Десятовский В.С.* Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР // *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М., 1999. С. 7–11.
- Vorobyov-Desyatovskiy V.S.* Sobranie indiyских rukopisey Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR // *Posova T.K., Chizhikova K.L.* Kratkiy katalog indiyских rukopisey Instituta vostokovedeniya RAN. M., 1999. S. 7–11.
- Гуров Н.В.* У истоков отечественной индологии (русско-«индийский» разговорник 1773 года) // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Тезисы докладов. СПб., 2006.
- Gurov N.V.* U istokov otechestvennoy indologii (russko-«indiyский» razgovornik 1773 goda) // Vostokovedenie i afrikanistika v universitetah Sankt-Peterburga, Rossii, Evropi. Tezisy dokladov. SPb., 2006.
- Зогграф Г.А.* Роберт Христианович Ленц (1808–1836) // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1960. № 279. Серия востоковедческих наук. Вып. 9. С. 31–38.
- Zograf G.A.* Robert Hristianovich Lents (1808–1836) // Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 1960. № 279. Seriya vostokovedcheskikh nauk. Vyip. 9. S. 31–38.
- Камалашила.* Бхаванахрама (Трактат о созерцании) / Факсимиле с предисловием Е.Е. Обермиллера. М., 1963.
- Kamalashila.* Bhavanakrama (Traktat o sozertsanii) / Faksimile s predisloviem E.E. Obermillera. M., 1963.
- Ключевский В.О.* Русская история. М., 2004.
- Klyuchevskiy V.O.* Russkaya istoriya. M., 2004.
- Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1994.
- Kulikova A.M.* Vostokovedenie v rossiyskikh zakonodatelnykh aktah (konets XVII v. — 1917 g.). SPb., 1994.
- Конер Н.В.* Описание Тибета. Владивосток, 1908. Т. II. Вып. 1.

- Kuuner N.V.* Opisanie Tibeta. Vladivostok, 1908. Т. II. Вып. 1.
- Ломоносов М.В.* Собрание сочинений. М.–Л., 1950–1959. Т. X.
- Lomonosov M.V.* Sbranie sochineniy. M.–L., 1950–1959. Т. X.
- Лысенко В.Г.* Ранняя буддийская философия // *Лысенко В.Г., Терентьев А.А., Шохин В.К.* Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М., 1994.
- Lyisenko V.G.* Rannaya buddiyskaya filosofiya // *Lyisenko V.G., Terentev A.A., Shohin V.K.* Rannaya buddiyskaya filosofiya. Filosofiya dzhaynizma. M., 1994.
- Людвиг Э. Гёте.* М., 1955.
- Lyudvig E. Gyote.* M., 1955.
- Минаев И.П.* Буддизм. Исследования и материалы. Т. 1. Вып. 1–2. СПб., 1887.
- Minaev I.P.* Buddizm. Issledovaniya i materialy. T. 1. Вып. 1–2. SPb., 1887.
- Минаев И.П.* Страна Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. М., 2009.
- Minaev I.P.* Strana Indiya. Zametki na «Hozhenie za tri morya» Afanasiya Nikitina. M., 2009.
- Миронов Н.Д.* Каталог индийских рукописей. Пг., 1914 (Каталоги Азиатского музея. Вып. 1).
- Mironov N.D.* Katalog indiyских rukopisey. Pg., 1914 (Katalogi Aziatskogo muzeya. Вып. 1).
- Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. Ч. IV. М., 1811. С. 27–52, 96–120.
- Myisli o zavedenii v Rossii Akademii Aziatskoy // Vestnik Evropy. Ch. IV. M., 1811. S. 27–52, 96–120.
- Новлянская М.Г.* Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.
- Novlyanskaya M.G.* Daniil Gotlib Messershmidt i ego raboty po issledovaniyu Sibiri. L., 1970.
- Ольденбург С.Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму // *Ольденбург С.Ф.* Этюды о людях науки / Отв. ред. С.Д. Серебряный; сост., предисл., коммент. А.А. Вигасин. М., 2012.
- Oldenburg S.F.* Pamyati Vasiliya Pavlovicha Vasileva i o ego trudah po buddizmu // *Oldenburg S.F.* Etyudy o lyudyah nauki / Отв. red. S.D. Serebryaniy; sost., predisl., komment. A.A. Vigin. M., 2012.
- Островская Е.П.* М.И. Тубянский (1893–1937) как представитель отечественной научной школы // Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Труды участников научной конференции. СПб., 2012. С. 45–60.
- Ostrovskaya E.P.* M.I. Tubyanskiy (1893–1937) kak predstavitel otechestvennoy nauchnoy shkoly // Pyatyie vostokovednyie chteniya pamyati O.O. Rozenberga. Trudyi uchastnikov nauchnoy konferentsii. SPb., 2012. S. 45–60.
- Паллас П.С.* Путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773–1778.
- Pallas P.S.* Puteshestviya po raznyim provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva. SPb., 1773–1778.
- Петр Симон Паллас.* Некоторые сведения о живущих в Астрахани индийцах / Пер. с немецкого и комментарии К.Д. Никольской // *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.
- Petr Simon Pallas.* Nekotoryie svedeniya o zhivuschih v Astrahani indiytsah / Per. s nemetskogo i kommentarii K.D. Nikolskoy // *Vigin A.A.* Izuchenie Indii v Rossii (ocherki i materialy). M., 2008.

- Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М., 1999.
Posova T.K., Chizhikova K.L. Kratkiy katalog indiyских rukopisey Instituta vosto-
vedeniya RAN. M., 1999.
- Речь президента Имп. Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного Педагогического института 22 марта 1818 г. СПб., 1818.
Rech prezidenta Imp. Akademii nauk, popечitelya Sankt-Peterburgskogo ucheb-
nogo okruga v torzhestvennom sobranii Glavnogo Pedagogicheskogo instituta 22
marta 1818 g. SPb., 1818.
- Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Высочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1–2. СПб., 1787–1789.
Srvnitelnyie slovari vseh yazykov i narechiy, sobrannyye desnitseyu Vyisochayshey
osobyi. Otdelenie pervoe, sodержashee v sebe evropeyskie i aziatskie yazyiki. Ch.
1–2. SPb., 1787–1789.
- Топоров В.Н.* Об индийском варианте «говорения языками» в русской мистической традиции // Wiener Slavistischer Almanach. Т. 23. Wien, 1989.
Toporov V.N. Ob indiyском variante «govoreniya yazyikami» v russkoy mis-
ticheskoy traditsii // Wiener Slavistischer Almanach. Т. 23. Wien, 1989.
- Труды Архива АН СССР. М.–Л., 1959. Вып. 3.
Trudy Arhiva AN SSSR. M.–L., 1959. Vyip. 3.
- Шувалов М.П.* Критико-библиографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера // Материалы государственного архива Министерства иностранных дел. М., 1893. Вып. 5. С. 89–110.
Shuvalov M.P. Kritiko-bibliograficheskiy ocherk zhizni i deyatelnosti orientalista
Kera // Materialyi gosudarstvennogo arhiva Ministerstva inostrannyih del. M., 1893.
Vyip. 5. S. 89–110.
- Щербатской Ф.И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1. Учебник логики Дхармакирти с толкованием на него Дхармоттары. Ч. 2. Учение о восприятии и умозаключении. СПб., 1903–1909.
Scherbatskoy F.I. Teoriya poznaniya i logika po ucheniyu pozdneyshih buddistov.
Ch. 1. Uchebnik logiki Dharmakirti s tolkovaniem na nego Dharmottaryi. Ch. 2.
Uchenie o vospriyatii i umozaklyuchenii. SPb., 1903–1909.
- Щербатской Ф.И.* Центральная концепция буддизма и значение термина «дхарма» // *Щербатской Ф.И.* Труды по буддизму. М., 1988.
Scherbatskoy F.I. Tsentralnaya kontseptsiya buddizma i znachenie termina «dharma»
// *Scherbatskoy F.I.* Trudy po buddizmu. M., 1988.
- Adelung F.* Versuch einer Literatur der Sanskrit-Sprache. St.-Pbg., 1830.
Archiv für asiatische Literatur, Geschichte und Sprachwissenschaft. Bd I. St.-Pbg.,
1810.
- Bayer Th.S.* Elementa litteraturae Brachamanicae, Tangutanae, Mungalicae // Commen-
tarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Т. III. St.-Pbg., 1728 (1732).
- Bayer T.S.* Historia regni Graecorum Bactriani. Petropoli, 1738.
- Burnouf E.* Introduction à l'histoire du Bouddhisme indien. P., 1844.
- Dorn B.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu
St.-Petersburg. St.-Pbg., 1846.
- Etudes de philologie et de critique par M. Ouvaroff. St.-Pbg., 1843.

- Ideen zu einer Asiatischen Academie. St.-Pbg., 1811.
Kandjur oder der Index des Kandjur. St.-Pbg., 1842.
Lenz R. Analyse du Lalita-Vistara-Pourana, l'un des principaux ouvrages sacrés des bouddhistes de l'Asie Centrale, contenant la vie de leur prophète, et écrit en sanscrit // Bulletin scientifique, publié par l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. 1836. T. I. № 7–13.
Minayeff I. Recherches sur le bouddhisme. P., 1894.
Nanjio B. A Catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist Tripitaka, the Sacred Canon of the Buddhist of China and Japan. Compiled by Order of the Secretary of the State for India. Oxford, 1883.
Nyāyapraveśa. I. Sanskrit Text ed. and reconstructed by N.D. Mironov // T'oung Pao. 1931. 1–2. P. 1–24.
Projet d'une Académie Asiatique. St.-Pbg., 1810. [Без указания автора.]
Schmidt I.J. Über einige Grundlehren des Buddhismus // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. VI-e série, sciences politiques, histoire et philologie. T. I. St.-Pbg., 1832.
Schmidt I.J. Über den Ursprung der tibetischen Schrift // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. VI-e série, sciences politiques, histoire et philologie. T. I. St.-Pbg., 1832. P. 41–54 и 1 табл.
Tubyansky M.I. On the Authorship of Nyāyapraveśa // Известия АН СССР. Серия 6. 1926. Т. 20. № 9. С. 975–982.

E.P. Ostrovskaya

**BUDDHIST MANUSCRIPTS IN THE INDIAN
COLLECTION OF IOM RAS:
HISTORY OF COLLECTING AND PERSPECTIVES OF STUDY**

S u m m a r y: The topic of the article is the history of collecting and perspectives of study of the Buddhist manuscripts housed in the Indian part of collection of the IOM RAS. The structure of written heritage of Northern Buddhism is shown in correlation with specific features of Buddhist manuscripts in the IOM RAS. Special attention is paid to the Sanskrit part of the collection. The article demonstrates the main problems and perspectives of study of the Buddhist manuscripts in the context of contemporary research trends.

Key words: Buddhism, Buddhist manuscripts, India, Indian collection of the IOM RAS.